Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-443-447
Дата принятия рукописи в печать: 04.08.2026 г.

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: sherlen.new@ yandex.ru

ПРИМАК Василий Геннадьевич,
судья в отставке, старший преподаватель Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: pvg1972.primak@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема правового регулирования использования систем искусственного интеллекта в современном мире. Актуальность темы обусловлена необходимостью пересмотра правовых механизмов регулирования ИИ в связи с трансформацией правовых категорий и возникновением новых рисков. В результате исследования выявлены ключевые проблемы правового регулирования ИИ, включая отсутствие унифицированной терминологии, нерешенность вопросов ответственности и безопасности. Проанализированы три основных подхода к регулированию: легалистский, технологический и комбинированный. Представлен обзор международных практик регулирования ИИ в ведущих странах мира.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровая трансформация, межгосударственное сотрудничество.*

BEGICHEVA Elena V.,
Retired Judge; Senior Lecturer, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, Russian Technological University "MIREA"

PRIMAK Vasily G.,
Retired Judge; Senior Lecturer, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, Russian Technological University "MIREA"

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *The paper addresses the challenges of legal regulation of artificial intelligence (AI) systems in the contemporary world. The relevance of the research is determined by the need to revise existing legal mechanisms for AI governance in light of the transformation of legal categories and the emergence of new risks. The study identifies key obstacles to effective legal regulation of AI, including the absence of a unified terminological framework and unresolved issues pertaining to liability and safety. Three principal regulatory approaches are analysed: the legalistic, the technological, and the combined approach. The paper provides an overview of international AI regulatory practices in leading jurisdictions.*

Key words: *artificial intelligence; digital transformation; interstate cooperation.*

В настоящее время во всём мире отмечается повышенный интерес к разработке и использованию систем искусственного интеллекта. Данный интерес обусловлен расширением соответствующего технологического рынка, увеличением числа патентов и ростом инвестиций. Юниты ИИ уже нашли широкое применение в медицине («IBM Watson» и «DeepMind Health» разработали интеллектуальные помощники для теоретического содействия врачам и анализа генетической предрасположенности к патологиям) [1], промышленности (постепенная роботизация рабочих мест), образовании (платформа «Third Space Learning» позволяет отслеживать уровень знаний, адаптировать учебный материал и информировать преподавателей об усвоении информации) [2], сельском хозяйстве (робот «Hortibot» Орхусского университета способен распознавать и уничтожать сорняки) [3], транспортной сфере (беспилотные автомобили, системы сбора данных с камер наблюдения и светофоров) и в быту (системы «умный дом»).

Находясь на постоянной стадии развития, технология ИИ по-прежнему остаётся в зоне правового вакуума, поскольку отставание теории права от научно-технического прогресса влечёт отсутствие регламентации взаимодействия человека с искусственным разумом, а также нерешённость вопросов ответственности, морали и безопасности. Вопреки тому, что многие видят в ИИ технологическую панацею, в Заявлении ВМА по дополненному интеллекту в медицинской помощи 2019 года обоснованно подчёркивается, что реализация преимуществ таких медицинских систем затрудняется отсутствием унифицированной терминологии и общепринятых стандартов, нечёткой регламентацией использования персональных данных, нерешённостью вопросов ответственности, а также усиленным надзором и повышенными требованиями к клинической эффективности и безопасности алгоритмов [4]. Повсеместное внедрение ИИ предопределяет необходимость оперативного разрешения возникающих нравственно-этических и правовых проблем, причём отстранение государства от регулирования данных процессов не решит назревшие вопросы, а лишь усугубит текущую ситуацию.

Регулирование любых достижений научно-технического прогресса (НТП), включая ИИ, подчинено объективным закономерностям, формирующимся на стыке:

общественных отношений в области использования результатов НТП,

оказания медицинской помощи,

функционирования права как регулятора,

функционирования самих ИИ-систем.

Как отмечает А.В. Зажигалкин, научно-технический прогресс оказывает влияние не только на содержание, но также на функции, форму права, пространственную сферу действия и пределы правового регулирования [5], в противном же случае, по справедливому замечанию В.А. Дозорцева, нарушение подобных закономерностей раньше или позже жестоко мстит за себя [6]. Пределы правового регулирования ИИ условно делятся на две группы:

Внешние пределы, возникающие на стыке правовой системы и социума, обусловлены тем, что международные обязательства накладывают ограничения исключительно на ратифицировавших их субъектов. При этом далеко не все нюансы частной жизни граждан подлежат нормативному регулированию, поскольку прямое вмешательство государства во многих случаях экономически неоправданно или попросту невозможно технически. На эту закономерность чётко указывал правовед С.В. Черниченко, справедливо утверждавший, что именно межгосударственные отношения очерчивают объективные границы международного права [7].

Внутренние пределы правового регулирования кроется в самой природе юриспруденции, ведь ориентация норм на многократное применение неизбежно заставляет абстрагироваться от уникальных особенностей частных случаев. Ситуация усугубляется размыванием правовой определенности из-за злоупотребления так называемыми «каучуковыми» формулировками, которые дестабилизируют систему. При этом классический критерий познаваемости законов сегодня перерастает в плоскость их «программируемости», обнажая проблему дефицита инструментов для прямого перевода громоздких юридических предписаний в чёткий машинно-исполнимый код, что заставляет искать точки соприкосновения правовой науки с математическим моделированием и программированием.

Своевременно выявлять и устранять пробелы в законодательстве позволяет непрерывный диалог между государством и частным сектором, который выступает залогом гибкости всей регуляторной системы. При этом создаваемое правовое поле должно гармонизировать запросы разработчиков, конечных пользователей и общества, поскольку явный перекос в сторону преференций для отдельных игроков неизбежно затормозит общую эволюцию искусственного интеллекта. По мнению профессора О.Н. Толочко, базовый вектор нормотворчества обязан быть направлен на конструирование такой инновационной экосистемы, которая стимулировала бы реализацию высокотехнологичных проектов [8]. Одновременно с этим, как аргументированно доказывает В.В. Архипов, разнонаправленные векторы притязаний различных социальных институтов в конечном счёте пересекаются в общей для всех

фундаментальной необходимости - запросе на формальную определенность и стабильный комплекс общеобязательных правил игры [9].

Реализация теоретических моделей правового регулирования искусственного интеллекта осложнена различиями в нормотворчестве разных стран. Более пятидесяти государств разработали национальные стратегии, которые основаны на принципах конкретных правовых семей. В юридической доктрине выделяют три подхода: легалистский, технологический и комбинированный.

Государства лидеры индекса GTCI избирают разные пути. Германия, Эстония и Нидерланды изменяют дорожное законодательство и создают цифровые регуляторные песочницы. Франция внедряет хартии алгоритмов. Япония предоставляет чат-ботам вид на жительство. Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Израиль и ЮАР формируют профильные ведомственные структуры. США, Канада, Сингапур, Новая Зеландия и Великобритания применяют механизмы гибкого мониторинга.

В России же и, в частности, в Москве действуют экспериментальные правовые режимы. Существующие нормативные определения трактуют ИИ как программное обеспечение, технологию или совокупность решений, имитирующих когнитивные функции человека для самообучения на больших массивах данных с использованием информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Отсутствие консенсуса относительно правосубъектности ИИ и его двойственная природа ограничивают возможности точечного законотворчества. Учитывая трансграничный характер технологии, риски дискриминации и угрозы правам человека, необходимо обратить внимание на международно-правовые механизмы гармонизации национальных норм и унификации правил мирового рынка.

Глобальное правовое сопровождение систем ИИ охватывает полный жизненный цикл: проектирование, создание, сервисное обслуживание, вывод на гражданский рынок, безопасную эксплуатацию и утилизацию, включая сопутствующий трансграничный обмен технологиями и массивами данных. Специализированные многосторонние конвенции под эгидой ООН отсутствуют. Усилиями учёных и экспертов сформирована обширная база международных технических стандартов и актов «мягкого права», которая фиксирует основные векторы развития отрасли. Для построения эффективного наднационального режима необходимо проанализировать социально-экономические последствия цифровизации, особенности гуманитарного содействия, инженерную специфику функционирования платформ и баланс интересов всех заинтересованных сторон, опираясь на внутреннюю логику права. Традиционно правовое регулирование концентрируется в трёх системообразующих направлениях.

Первым направлением является обеспечение безопасности, надёжности и защита прав пользователей. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 года, является первым юридически обязывающим международным договором, который закрепил принципы подотчётности, прозрачности, недискриминации, равенства, уважения человеческого достоинства и безопасных инноваций [Конвенция СЕ 2024]. Антропоцентрический подход на глобальном уровне отражён в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/265 от марта 2024 года, которая ставит во главу угла международную кооперацию для устойчивого развития и ликвидацию цифрового разрыва.

На региональном уровне нормативные требования кодифицированы в Регламенте ЕС 2024/1689 (AI Act), вступившем в силу 1 августа 2024 года. Указанный регламент внедряет риск-ориентированную модель, устанавливает строгие критерии для высокорисковых систем и вводит запрет на неприемлемые практики. Данный комплекс документов, наряду с Принципами Азиломар 2017 года и Рекомендациями ОЭСР 2019 года, формирует современную архитектуру правового регулирования отрасли [10].

В «Принципах Азиломар», подписанных тысячами учёных и представителей технологических компаний, детализировано фиксируется: создание систем, направленных на пользу человечеству, а не бесцельного разума; субсидирование исследований полезных применений (надёжность, благосостояние, право, этика); конструктивный диалог и культуру взаимодействия, доверия и открытости; безопасность и верифицируемость на протяжении всего жизненного цикла; открытость сбоев и обоснование решений для органов правосудия; моральную ответственность разработчиков; синхронизацию ИИ с человеческим достоинством, свободами и культурным разнообразием; право людей на доступ, контроль и защиту персональных данных без необоснованного сокращения свободы; сохранение права человека определять процедуру передачи функций принятия решений; купирование катастрофических рисков и жёсткое регулирование рекурсивного автообучения; широкое распространение экономических выгод; отказ от гонки вооружений в сфере автономного летального оружия и ориентацию сверхразума на благо всего человечества.

Техническая сопрягаемость, стандартизация и свободный трансграничный обмен. Прак-

тическим инструментом реализации выступают международные стандарты, разрабатываемые ISO, IEC и ITU. В 2017 году в структуре ISO создан технический комитет по ИИ (ISO/IEC JTC 1/SC 42), полноправными членами которого являются 30 государств (14 наблюдателей). Комитетом уже опубликованы и действуют следующие основополагающие стандарты: по концепциям и терминологии ИИ (ISO/IEC 22989:2022, опубликован в июле 2022 г., с корректировкой в декабре 2025 г.); фреймворку машинного обучения (ISO/IEC 23053:2022, опубликован в июне 2022 г.); управлению рисками (ISO/IEC 23894:2023, опубликован в феврале 2023 г.); смещению алгоритмов (ISO/IEC TR 24027:2021); обзору доверия к ИИ (ISO/IEC TR 24028:2020); этическим и социальным аспектам (ISO/IEC TR 24368:2022). По состоянию на 2026 год комитет продолжает работу над новыми стандартами, включая поправки к базовым документам в связи с развитием генеративного ИИ. В робототехнике стандарты принимаются комитетом ISO/TC 299 (напр., ISO 10218-1:2011, ISO 8373:2012, ISO 13482:2014, ISO/TS 15066:2016, ISO/TR 20218-1:2018, ISO 18646-2:2019, ISO/TR 23482-1:2020 и 23482-2:2019). Хотя международные стандарты разрабатываются на основе консенсуса и носят добровольный характер, на практике их соблюдение выступает критерием конкурентоспособности и допуска на мировой рынок, требуя обязательных испытаний на безопасность до выпуска продукции [11].

Приоритизация публично-правовых начал, этических ориентиров и человеческого контроля. Как отмечает профессор С.В. Бахин, создание правового режима технологий следует начинать именно с формирования публично-правовых начал (обеспечение сотрудничества и безопасности), без которых систематизация правовых институтов невозможна [12]. Эту тенденцию наглядно иллюстрирует деятельность ЮНЕСКО, зафиксировавшей на конференции 2019 года по гуманистическому подходу к искусственному интеллекту международное согласие относительно антропоцентричного управления технологиями, а в ходе своей 40-й Генеральной конференции обязавшей государства разработать морально-этические нормативы на фундаменте прав человека. Постоянное обновление нормативной базы за счет гибкого механизма обратной связи было прямо кодифицировано в Рекомендации ЮНЕСКО 2021 года, затрагивающей этику ИИ [13]. В то же время данный вектор содержательно расширяется Принципами Азиломар и стандартами ОЭСР, предписывающими сохранить за человеком жёсткий контроль над делегированием права принятия решений, гарантировать прозрачность алгоритмов, обеспечить беспрепятственный доступ к личной информации и направлять инвестиции сугубо на полезные варианты интеграции систем. Параллельно актуализируется необходимость формирования культуры открытого обмена опытом между ИТ-разработчиками и властными структурами, а также инклюзивного распределения экономических дивидендов цифровизации для блага всего общества. Если же говорить о развитии академической доктрины, то здесь эксперты видят значительный потенциал в теоретическом моделировании статуса «электронного лица публичного права» применительно к комплексам, внедряемым в государственное управление для реализации властных полномочий, что обусловлено их предельной автономностью, многокомпонентной инженерной структурой и огромной скоростью анализа данных.

Безопасная интеграция способных к адаптации интеллектуальных платформ, обязанных функционировать строго в рамках своего целевого назначения и отвечать фундаментальным человеческим ценностям, напрямую зависит от оперативного формирования гибких регуляторных инструментов. Текущие геополитические реалии заставляют Российскую Федерацию выстраивать наднациональное взаимодействие в сфере ИИ исключительно с добросовестными участниками международного общения. Под ними при реализации любых совместных проектов на глобальной арене понимаются государства, не включенные в утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р официальный перечень недружественных стран и территорий, совершающих недружественные действия против России, её компаний или граждан. Учёт данного внешнеполитического критерия служит императивным условием для запуска любых международных технологических инициатив.

Полноценное раскрытие преимуществ интеллектуальных платформ для социума при одновременной минимизации угроз их злонамеренного использования возможно исключительно путём создания сбалансированной международно-правовой модели, органично сочетающей механизмы межгосударственного партнёрства, общие нормативы безопасности, этические императивы и защиту базовых свобод человека. Комплексное законодательное регулирование позволит не только избежать негативных последствий, но и будет способствовать повышению имиджа страны как лидера в развитии законодательства, а также улучшению инвестиционного климата, требуя содействия международному и многосекторальному сотрудничеству.

Список литературы:

[1] Topol E.J. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // Nature Medicine. - 2019. - Vol. 25. - P. 44-56.

[2] Education and Artificial Intelligence: Promising Directions // OECD Publishing. - 2023. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https: //www.oecd.org/education/education-and-ai/ (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Датский робот определяет и вырывает сорняки. - Текст: электронный // Хабр. - 2007. - URL: https://habr.com/ru/articles/11917/ (дата обращения: 13.03.2026).

[4] World Medical Association. Statement on Augmented Intelligence in Medicine. Adopted by the WMA General Assembly, October 2019. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-statement-on-augmented-intelligence-in-medicine/ (дата обращения: 05.04.2026).

[5] Зажигалкин А.В. Влияние научно-технического прогресса на развитие права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2020. - № 4. - С. 21.

[6] Дозорцев В.А. Тенденции российского гражданского права. - М.: Статут, 2002. - С. 89.

[7] Черниченко С.В. Пределы правового регулирования в международных отношениях // Государство и право. - 2003. - № 5. - С. 14.

[8] Толочко О.Н. Правовое регулирование цифровых инноваций: баланс интересов // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 8. - С. 112-115/.

[9] Архипов В.В. Социальная природа права и цифровая трансформация общества // Вестник Томского государственного университета. - 2022. - № 475. - С. 188.

[10] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles. 2017. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://futureoflife.org/open-letter/asilomar-ai-principles/ (дата обращения: 10.04.2026).

[11] ISO/IEC TR 24027:2021. Artificial intelligence - Bias in AI systems and AI aided decision making. - Geneva: ISO/IEC, 2021. - 42 p.; ISO/IEC TR 24028:2020. Artificial intelligence - Overview of trustworthiness in artificial intelligence. - Geneva: ISO/IEC, 2020. - 36 p.

[12] Бахин С.В. Публично-правовые начала в регулировании цифровых технологий // Международное право и международные отношения. - 2020. - № 3. - С. 45.

[13] ЮНЕСКО. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. Принята на 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. 23 ноября 2021 г. - [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 11.04.2026).

References:

[1] Topol E.J. High-performance medicine: the convergence of human and artificial intelligence // Nature Medicine. - 2019. - Vol. 25. - P. 44-56.

[2] Education and Artificial Intelligence: Promising Directions // OECD Publishing. - 2023. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://www.oecd.org/education/education-and-ai/ (access date: 15.04.2026).

[3] A Danish robot identifies and pulls out weeds. - Text: electronic // Habr. - 2007. - URL: https://habr.com/ru/articles/11917/ (access date: 13.03.2026).

[4] World Medical Association. Statement on Augmented Intelligence in Medicine. Adopted by the WMA General Assembly, October 2019. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-statement-on-augmented-intelligence-in-medicine/ (access date: 05.04.2026).

[5] Zazhazhalkin A.V. Influence of scientific and technological progress on the development of law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2020. - № 4. - S. 21.

[6] Dozortsev V.A. Trends in Russian civil law. - M.: Statute, 2002. - S. 89.

[7] Chernichenko S.V. Limits of legal regulation in international relations // State and law. - 2003. - № 5. - S. 14.

[8] O.N. Tolochko. Legal regulation of digital innovations: balance of interests // Law and state: theory and practice. - 2021. - № 8. - S. 112-115/.

[9] Arkhipov V.V. Social nature of law and digital transformation of society // Bulletin of Tomsk State University. - 2022. - № 475. - S. 188.

[10] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles. 2017. - [Electronic resource]: access mode: URL: https://futureoflife.org/open-letter/asilomar-ai-principles/ (access date: 10.04.2026).

[11] ISO/IEC TR 24027:2021. Artificial intelligence - Bias in AI systems and AI aided decision making. - Geneva: ISO/IEC, 2021. - 42 p.; ISO/IEC TR 24028:2020. Artificial intelligence - Overview of trustworthiness in artificial intelligence. - Geneva: ISO/IEC, 2020. - 36 p.

[12] Bakhin S.V. Public legal principles in the regulation of digital technologies // International law and international relations. - 2020. - № 3. - S. 45.

[13] UNESCO. Recommendation on ethical aspects of artificial intelligence. Adopted at the 41st session of the UNESCO General Conference. November 23, 2021 - [Electronic Resource]: Access Mode: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark :/48223/pf0000381137 (Accessed: 11.04.2026).